

Научная статья

УДК 342.553

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003

«Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области)

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Реферат

Введение: в статье рассмотрена практика привлечения к уголовной ответственности пособников немецко-фашистских оккупантов из числа советских граждан после окончания Великой Отечественной войны. *Цель:* на основе анализа архивно-следственного дела раскрыть механизм уголовного преследования коллаборационистов. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, историко-биографический, текстологический и формально-юридический методы. *Результаты:* изучение материалов архивно-следственного дела демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих, попавших в немецкий плен в период Великой Отечественной войны. В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен жестокий режим, обрекавший их на постепенную смерть от голода и бесчеловечного обращения. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики. После разгрома германской армии и ее капитуляции большинство коллаборантов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению и документированию фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью преступную деятельность удалось подтвердить доказательной базой, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советские военнопленные; нацистская оккупационная политика; проверочно-фильтрационные лагеря; коллаборационисты; судебное преследование.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. «Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области) // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

“He Beat Prisoners of War for the Slightest Violations ...”: Practice of Bringing Nazi Accomplices to Criminal Liability (Based on Archival Materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast)

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Abstract

Introduction: the article examines the practice of bringing to criminal liability of accomplices of Nazi occupiers from among Soviet citizens after the end of the Great Patriotic War. *Purpose:* based on the analysis of the archival case to reveal the mechanism of criminal prosecution of collaborators. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, historical and biographical, textual and formal legal methods. *Results:* the study of archival materials demonstrates the tragedy of the fate of Soviet servicemen who were captured by the Germans during the Great Patriotic War. In relation to Soviet prisoners of war, the Nazis provided for a cruel regime that doomed them to gradual death from starvation and inhuman treatment. Persons who collaborated with the Nazis became accomplices of the criminal occupation policy. After the defeat of the German army and its surrender, most collaborators were sent to special (screening and filtration) camps of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs). The Smersh Counterintelligence Department carried out operational and investigative measures to establish and document the facts of treason to the Motherland and cooperation with the Nazi occupiers. Persons whose criminal activity could be confirmed by evidence were tried by a military tribunal on the basis of Article 58-1 "b" of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" of April 19, 1943. As a rule, accomplices of Nazi crimes served their sentences in penal camps of the Gulag.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet prisoners of war; Nazi occupation policy; screening and filtration camps; collaborators; prosecution.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "He beat prisoners of war for the slightest violations ...": practice of bringing Nazi accomplices to criminal liability (based on archival materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

Введение

В российской историко-правовой науке не ослабевают интерес к событиям Великой Отечественной войны, ее итогам и последствиям. В научный оборот вводятся ранее недоступные архивные документы, выявляются неизвестные факты, даются их трактовка и оценка, продолжаются дискуссии по сложным и принципиальным вопросам. Одним из малоизученных аспектов минувшей войны являются специальные мероприятия органов НКВД–НКГБ и контрразведки «Смерш», получившие название государственной проверки или фильтрации советских граждан, оказавшихся на оккупированной противником территории.

Механизм фильтрации и деятельность специальных лагерей НКВД по проверке бывших военнопленных и репатриантов рассмотрены в работах А. Ф. Бичехвоста [1], А. В. Латышева [2–4], В. С. Христофорова [5], В. В. Шевченко [6], а также автора данной статьи [7–10]. В них раскрыты нормативно-правовые и организационно-структурные аспекты фильтрационных

мероприятий, численность и состав, жизнеобеспечение и трудовое использование спецконтингента, организация политической работы с фильтрантами. Гораздо менее изучены судьбы лиц, проходивших спецпроверку, а именно обстоятельства их попадания в немецкий плен, сотрудничества с нацистами и привлечения к уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния.

Согласно четырехтомнику «Великая Отечественная война. 1941–1945» в регионах, захваченных немецко-фашистскими оккупантами, проживали почти 85 млн чел., то есть 45 % населения Советского Союза [11, с. 116]. Кроме того, в ходе боевых действий в немецком плену оказалось, по разным оценкам, от 4 до 6 млн военнослужащих Красной армии [12, с. 234; 13, с. 248; 14, с. 5; 15, с. 5; 16, с. 6]. Свыше 3 млн советских граждан активно участвовали в движении сопротивления, сражаясь в партизанских отрядах или группах подпольщиков. Миллионы соотечественников саботировали мероприятия оккупационных властей, снабжали продовольствием партизан, укрывали их.

вали подпольщиков [17, с. 153]. Однако находились и те, кто сотрудничал с немецкими властями и даже воювал на стороне противника. По данным исследователей, в вооруженных формированиях вермахта и учреждениях немецкой оккупационной администрации служило от 200 тыс. до 1,5 млн советских граждан [18, с. 154]. Природа, типология и проявления коллаборационизма в годы Второй мировой войны подробно исследованы в монографии доктора исторических наук, профессора М. И. Семиряги [19], поэтому мы не будем углубляться в описание военно-политической и социально-психологической сущности этого явления, а сосредоточимся исключительно на историко-правовых последствиях.

После освобождения оккупированных территорий перед органами внутренних дел и государственной безопасности была поставлена задача по проверке лиц, находившихся во вражеском плену или оккупации, с целью выявления предателей и изменников Родины, а также диверсантов и агентуры противника. С этой целью на основании постановления Государственного комитета обороны СССР № 1069сс от 27.12.1941 и приказа НКВД № 001735 от 28.12.1941 были сформированы специальные лагеря НКВД [7, с. 134, 194]. Приказом НКВД СССР № 00100 от 20.02.1945 спецлагеря были переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), а отдел спецлагерей НКВД СССР – в отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) [1, с. 73].

Всего, по оценке А. В. Латышева, с января 1942 г. по 1 марта 1946 г. в специальные и проверочно-фильтрационные лагеря было направлено 652 тыс. чел. [4, с. 16]. Большинство из них успешно проходили проверку и направлялись в местные райвоенкоматы, а затем в части действующей армии. Подозреваемых в предательстве и измене Родине подвергали аресту, а дела на них направляли на рассмотрение военных трибуналов НКВД СССР.

Одним из 69 специальных лагерей [4, с. 16], действовавших в СССР в 1942–1945 гг., являлся проверочно-фильтрационный лагерь № 0313, располагавшийся в Карело-Финской ССР. Он был организован по приказу НКВД № 001403 от 20.11.1944 для проверки и трудового использования военнопленных красноармейцев, ранее находившихся в финском плену. Первоначально лагерь дислоцировался в Петрозаводске и был рассчитан на размещение 4 тыс. чел. В соответствии с приказом НКВД № 00838 от 13.07.1945 лагерь был передислоцирован в Медвежьегорск для использования контингента на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Вместимость лагеря была увеличена до 9 тыс. чел., а в его структуре образованы четыре лагерных отделения. На 20 сентября 1945 г. в лагере содержалось 8282 чел., 2699 из которых относились к категории «власовцев» и служивших в немецких формированиях [20].

В архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (УФСБ РФ по ВО) находится на хранении частично рассекреченное архивно-следственное дело на военнослужащего Н., уроженца Вологодской об-

ласти, проходившего проверку в ПФЛ № 0313 и осужденного за измену Родине и пособничество немецким оккупантам (Архив УСФБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84).

Структура дела включает постановление об избрании меры пресечения, постановление и ордер на арест, протокол обыска, анкету арестованного, протоколы допросов, постановление о предъявлении обвинения, обвинительное заключение по следственному делу, приговор военного трибунала. Возможно, в деле также содержатся протоколы допросов свидетелей, однако такого рода документы, вероятно, имеют ограничения по доступу.

Необходимо отметить, что архивно-следственные дела органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш» относятся к категории наиболее сложных для изучения исторических источников. Это обусловлено тем, что показания обвиняемых могут содержать искаженную или недостоверную информацию. Необходимо учитывать возможные факты физического и психологического давления на арестованных, их нахождения в условиях предварительного заключения. С другой стороны, данные документы содержат уникальные сведения, позволяющие выяснить предпосылки и причины, побудившие того или иного военнослужащего встать на путь сотрудничества с врагом, изучить механизм привлечения к судебной ответственности, уточнить его дальнейшую судьбу. Все это требует от исследователя знания особенностей советского судопроизводства [21; 22] и специфики делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ [23].

Цель исследования заключается в раскрытии механизма уголовного преследования коллаборационистов на основе анализа конкретного архивно-следственного дела. Для реализации поставленной цели было необходимо выяснить особенности делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш», обстоятельства пленения военнослужащих Красной армии, мотивы сотрудничества с противником, организацию специальной проверки в лагерях НКВД, основания для привлечения бывших военнопленных к уголовной ответственности, содержание обвинительной базы, этапы следственных мероприятий, вердикт судебных органов.

Основными методами исследования являлись теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации. Также применялись специальные научные методы, адаптированные под задачи историко-правового исследования, в частности историко-биографический метод, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, составление социально-психологического портрета военнопленного-коллаборанта; текстологический метод, ориентированный на критический анализ содержащейся в тексте информации с учетом возможных искажений, противоречий и умолчаний; формально-юридический метод, заключающийся в интерпретации норм права и существующей юридической практики. Выбранная методология позволила реализовать цель и задачи исследования.

В целях защиты персональных данных фамилии и имена сотрудников правоохранительных органов, лиц, проходивших спецпроверку и привлекаемых к уголовной ответственности, а также свидетелей и очевидцев, упоминаемых в настоящей статье, не публикуются. Названия населенных пунктов приводятся в оригинале (со слов фигуранта уголовного дела), но сопровождаются необходимыми пояснениями и комментариями. При цитировании документа пропуски текста обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки.

Основная часть

19 августа 1945 г. старший следователь отдела контрразведки «Смерш» проверочно-фильтрационного лагеря № 0313 подписал постановление на арест военнослужащего Н., 1921 года рождения, уроженца Устюженского района Вологодской области, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» (под изменой Родине понимались действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Советского Союза, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, в том числе: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Статья 58-1 «б» предусматривала высшую меру уголовного наказания – расстрел с конфискацией имущества) Уголовного кодекса РСФСР. В нем говорилось, что Н., находясь на фронте, попал в плен к немцам. Выполняя обязанности раздатчика продуктов в лагере, грубо обращался с военнопленными: не давал положенные продукты и систематически их избивал. Позднее служил в немецкой армии и за усердную службу награжден медалью. Изобличается показаниями свидетелей и своими признаниями (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 1).

Во избежание побега подозреваемого было решено поместить его под стражу. 28 августа 1945 г. Н. был арестован отделом контрразведки и переведен в следственный изолятор Беломорстроя НКВД (Медвежьегорск). В протоколе обыска указывается, что при задержанном ничего не было изъято (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 4, 5 об.).

В материалах на арестованного излагались его биографические данные: гражданин СССР, по национальности – русский, беспартийный, холостой, образование 4 класса, по профессии – пожарник, социальное происхождение – из крестьян, после революции – крестьянин-середняк, в контрреволюционных организациях не состоял, общественно-политической деятельностью не занимался, репрессиям при советской власти не подвергался. До 1940 г. работал в сельском хозяйстве: сначала в хозяйстве отца, затем в колхозе. В 1940 г. переехал в Чагодощенский район Вологодской области и до призыва в Красную армию работал на заводе (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 5, 9).

Первый протокол допроса датирован 14 августа 1945 г. и подписан старшим следователем отдела контрразведки «Смерш» 289-й стрелковой дивизии. Перед допросом Н. был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР.

На просьбу следователя рассказать о службе в Красной армии Н. сообщил, что 24 октября 1940 г. был призван Чагодощенским райвоенкоматом и направлен в одну из стрелковых частей, дислоцировавшихся в Литве, наименование части не помнит. Там он прошел обучение, а затем был переведен в 232-ю стрелковую дивизию, в которой служил рядовым примерно до августа 1941 г. Принимал участие в боях с немцами в прибалтийских республиках. Летом 1941 г. под Старой Руссой попал в плен к немцам (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6).

Обстоятельства пленения, по показаниям Н., выглядели следующим образом: «Мне, как станковому пулеметчику, командир отделения приказал держаться как можно дольше, чтобы прикрыть отступление дивизии. Когда люди отошли, по крайней мере, большинство из них, я со вторым номером погрузил пулемет на повозку, и сам хотел догнать дивизию, но было уже поздно. Немцы обошли нас. Я вынужден был, спасая свою жизнь, сдаться в плен» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6 об.).

Далее вопросы следователя касались поведения Н. при пленении и его дальнейшего пребывания в немецких лагерях. По словам Н., при взятии в плен немцы его не допрашивали, а только произвели обыск, при котором изъяли часы и автомат с боекомплектом. До лета 1942 г. он находился в лагере военнопленных в дер. Починок (вероятно, речь идет о деревне Починок в Демянском районе Ленинградской области, с 5 июля 1944 г. – Новгородской области), затем был переведен в лагерь в деревню Пекашино (скорее всего, речь идет о деревне Пекашино в Демянском районе, в тексте встречаются разные варианты названия: Пекашино, Пекашино, Покашино) Ленинградской области, где пробыл до начала 1943 г. Будучи в лагерях военнопленных, работал при лагерьной кухне сначала чернорабочим, затем раздатчиком хлеба, варил для немцев кофе. По поручению администрации лагеря стоял с винтовкой на посту, охраняя территорию, не имевшую ограждений, от проникновения посторонних лиц. В итоге получал большие привилегии: жил в отдельной землянке, без ограничения питался на кухне и имел право свободного нахождения за зоной, чем пользовался для общения с женщинами (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7–7 об.).

Следователь поинтересовался: «Имея возможность свободного выхода из лагеря, почему Вы не бежали?». На это последовал откровенный ответ: «Не бежал потому, что работа была легкая, кормили хорошо, платили достаточно. Жил я лучше, чем в Красной армии, и не боялся за свою жизнь. Исходя из этого, я не стал бросаться в неизвестность» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.). Таким образом, главной причиной сотрудничества с немцами стал прагматический фактор, заключавшийся в стремлении сохранить жизнь и улучшить свое положение в плену посредством занятия привилегированной должности в лагерьной обслуге.

Другая часть вопросов касалась отношений Н. с другими военнопленными. Первоначально допрашиваемый заявил, что «к военнопленным относился хорошо, ни с кем не ругался», но затем под давлением

следователя признал, что осенью 1942 г. несколько раз ударил военнопленного за то, что тот поднял с земли кость у лагерной кухни, а также «часто толкал военнопленных, оттесняя их от кухни» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.).

В завершение следователь попросил Н. раскрыть обстоятельства зачисления в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии и службы в данном подразделении. Н. показал: «В феврале или марте 1943 г. лагерь военнопленных в дер. Пекашино был расформирован (в феврале 1943 г. территория Демянского района, на территории которого располагался лагерь, была освобождена советскими войсками). [...] Я в числе 10 человек был зачислен в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии, где и служил по день капитуляции Германии, выполняя различные работы». Кроме того, Н. сообщил, что в 1943 г. принял присягу «честно служить немцам», а в 1945 г. «за честную работу» получил от немецкого командования бронзовую медаль 2-й степени (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 8).

В протоколе допроса от 28.08.1945 арестованный дал новые показания касательно обстоятельств своей сдачи в плен: «Наше отделение работало на станковом пулемете. Я был 1-м запасным номером и находился в траншее недалеко от пулемета. Когда немцы пошли в наступление и стали совсем близко, бойцы погрузили пулемет на повозку и стали догонять часть. Я же, струсив и боясь того, что меня могут убить во время перебежки, остался в траншее и при подходе немцев сдался им в плен». На вопрос следователя, почему он ранее давал неверные показания, Н. заявил, что «пытался скрыть факт добровольной сдачи в плен и тем самым уменьшить вину перед Родиной» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 10 об.).

Затем Н. уточнил дислокацию отделений немецкого лагеря военнопленных (его номер и название он не сообщил), которые в связи с приближением линии фронта несколько раз перебрасывались из одного населенного пункта в другой. По его словам, первую неделю плена он находился в г. Старая Русса, затем около месяца в деревнях в 45 км от Старой Руссы, до лета 1942 г. – в деревне Починок, затем два–три месяца – в деревне Обрани (вероятно, речь идет о деревне Обрыни в Демянском районе Ленинградской области, сейчас – Новгородской области) и далее до января–февраля 1943 г. в деревне Пекашино (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 11).

Далее усилия следователей были направлены на признание Н. своей вины и подтверждение фактов преступной деятельности в немецком плену. В протоколе допроса от 01.09.1945 зафиксированы следующие показания: «Работая раздатчиком хлеба в лагере военнопленных в деревнях Починок и Пекашино, я преступно использовал свое положение и грубо обращался с военнопленными, зачастую отталкивал их от кухни и нередко при этом наносил удары. Были случаи, когда, не имея достаточных оснований, я избивал военнопленных. Так, сейчас мне припоминаются следующие случаи. Примерно осенью 1942 г. я ударил три раза ногой [...] за то, что он попытался поднять кости около кухни. Как-то при разделе хлеба в дер. Пекашино я избил военнопленного Бориса за

то, что он высказал недовольство раздачей хлеба. [...] Весной 1942 г. я избил [...], который при раздаче хлеба также высказал недовольство. Помнится, что я ему нанес несколько ударов кулаком по спине. Возможно, были еще случаи, когда я избивал военнопленных, но сейчас не помню. Помимо избиения военнопленных, отталкивания их от кухни, я постоянно оскорблял их словами. Следует признать также, что по моей вине военнопленные не всегда получали положенную им норму хлеба. При раздаче добавочные куски к основной пайке хлеба сваливались в корзину, и, когда военнопленные делали мне замечания по этому поводу, я отталкивал их. Некоторым, настойчиво требующим правильной раздачи, я угрожал совершенно лишиться их хлеба, однако эти угрозы в исполнение ни разу не приводил. Однажды в Пекашино по моему доносу немцами был избит сержант, который особенно недовольствовался порядком раздачи хлеба. Говорили, что сержанта избивали перед строем, но сам я не видел. [...] Как раздатчик хлеба, я отличался немцами от других и вращался в их среде. Случалось, что ради забавы я с немцами бросал в толпу пленных куски хлеба и, смеясь над ними, говорил: русский швайн (свинья), вологодский – гуд (хорошо). За мое пристрастие к употреблению немецких слов, которые я знал, в лагере меня прозвали Францем. Я жил вместе с немцами, и мне наравне с ними военнопленные чистили сапоги» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 13–14).

В протоколах допросов также фигурируют отрывки из показаний свидетелей, зачитанные следователем. Так, свидетель [...] показал, что в декабре 1942 г., когда Н. нес к помойке миску горохового супа, он попросил отдать ему этот суп. В ответ на просьбу Н. обругал его и заявил, что «лучше отдаст суп собаке обер-лейтенанта, чем военнопленному». На это Н. сказал, что не помнит такой факт, но допускает его, «ибо немцы запрещали чем-либо помогать военнопленным» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14–14 об.).

На вопрос следователя «Что побудило Вас встать на путь пособничества немцам и преступного обращения с советскими военнопленными?» Н. пояснил: «Став раздатчиком хлеба, я понял, что, чтобы удержаться на этом месте, надо угождать немцам и проводить их политику. В своем грубом обращении с пленными я следовал им. Кроме того, мою грубость в отношении к пленным определило также мое неверие в Победу Красной Армии над фашистской Германией» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14 об.). Таким образом, помимо чисто корыстных соображений решение о сотрудничестве с оккупантами объяснялось военно-политическим и морально-психологическим факторами, а именно успешным наступлением вермахта и убеждением Н. в неспособности советских войск отразить вражескую агрессию.

В протоколе допроса от 02.09.1945 раскрыты обстоятельства поступления Н. на службу в немецкую армию. По его словам, в январе или феврале 1943 г. в лагере в деревне Пекашино немецкий обер-лейтенант объявил военнопленным, что они зачисляются в немецкую армию и будут распределены по подразделениям. Некоторое время пленные работали на заготовке леса, а потом были направлены в рабочий

(саперный) батальон 30-й немецкой пехотной дивизии. Там Н. принял присягу на верность немецкому командованию. Принятие присяги состоялось в деревне Суслово (вероятно, речь идет о деревне Суслово Старорусского района Новгородской области) под Старой Руссой. По словам Н., перед строем батальона немецкий лейтенант зачитал текст присяги антисоветского содержания, после чего каждый расписался в ее принятии. В рабочем батальоне Н. был рядовым, получал денежное вознаграждение в размере 68 марок в месяц и довольствовался по нормам питания немецкого солдата. Судя по протоколу допроса, Н. не имел оружия и не участвовал в боях против Красной армии и партизан. Личный состав батальона занимался строительством дорог и оборонительных сооружений в немецком тылу. По мере наступления Красной армии батальон отступал до Либавы (или Лиепая – город на юго-западе Латвии, на побережье Балтийского моря). Здесь 9 мая военнослужащие батальона после капитуляции немецких войск были переданы советскому командованию и в дальнейшем направлены в спецлагеря.

6 сентября 1945 г. заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» ПФЛ № 0313 утвердил постановление о предъявлении Н. обвинения по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР. В нем говорилось, что Н. летом 1941 г. в районе Старой Руссы, участвуя в боях с немцами в качестве рядового 232-й стрелковой дивизии, по заранее обдуманному плану сдался им в плен. Во время пребывания в лагере военнопленных работал раздатчиком хлеба с лагерной кухни и нередко подменял немцев на посту по охране лагеря. Используя свое положение, грубо обращался с советскими военнопленными, обзывал и избивал их. С января–февраля 1943 г. до капитуляции Германии служил рядовым в рабочем (саперном) батальоне 30-й немецкой пехотной дивизии, где принял присягу и получил награду – бронзовую медаль 2-й степени. На документе имеется подпись обвиняемого. Копия постановления была направлена прокурору Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 17).

Во время допроса 6 сентября 1945 г., в котором принял участие заместитель военного прокурора Петрозаводского гарнизона, Н. признал все пункты обвинения и пояснил, что сдался в плен в целях сохранения своей жизни и всю дальнейшую преступную деятельность осуществлял в целях обеспечения себе хорошего положения у немцев.

Обвинительное заключение по следственному делу № 2170 от 14.09.1945, подписанное начальником ОКР «Смерш» ПФЛ № 0313 и военным прокурором Петрозаводского гарнизона, содержало все вышеперечисленные пункты обвинения. Кроме того, там указывалось, что в преступных действиях рядовой Н. изобличается свидетельскими показаниями и очной ставкой со свидетелем [...]. Считая следствие по делу законченным, а виновность Н. доказанной, на основании ст. 208-й Уголовно-процессуального кодекса РСФСР старший следователь ОКР «Смерш» Беломорского военного округа лейтенант [...] направил дело военному прокурору Петрозаводского гарнизона для предания обвиняемого суду военного трибу-

нала. Для дальнейшего содержания под стражей Н. был закреплен за Военным трибуналом Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 38–39).

18 сентября 1945 г. постоянная сессия Военного трибунала Беломорского военного округа в закрытом судебном заседании в г. Медвежьегорске в составе председательствующего капитана юстиции К., членов: капитана К. и красноармейца Н., при секретаре старшем лейтенанте юстиции К. рассмотрела дело № 0053 по обвинению бывшего красноармейца 232-й стрелковой дивизии Н. Материалами дела и судебным следствием постоянная сессия Военного трибунала установила, что подсудимый Н., находясь на передовой линии Западного фронта, в августе 1941 г. во время боя в районе Старой Руссы с имеющимся автоматом добровольно сдался в плен немцам, а затем был направлен в лагерь военнопленных. Будучи в лагере военнопленных, Н. в сентябре 1941 г. поступил работать на кухню в должности раздатчика хлеба военнопленным и в этой должности работал до февраля 1943 г., одновременно периодически выполнял должность охранника этого лагеря. Находясь на должности раздатчика хлеба, Н. жестоко обращался с советскими военнопленными и избивал их. Так, осенью 1942 г. нанес три удара пинком ноги военнопленному за то, что тот, будучи полуголодным, на кухне поднял кость от мяса и хотел ее съесть. В октябре 1942 г. избил кулаками двух военнопленных за то, что последние требовали выдачу полного пайка хлеба. Одновременно с этим Н. донес начальнику лагеря на военнопленного сержанта по имени Федор за то, что последний высказал недовольство питанием. За это военнопленный Федор был избит администрацией лагеря перед строем.

Издеваясь над советскими военнопленными, Н. систематически не выдавал положенные им нормы хлеба, а оставшиеся куски кидал в толпу военнопленных, обзывая их свиньями. Заслужив доверие от немцев, в феврале 1943 г. добровольно поступил на службу в немецкую армию – саперный батальон 30-й пехотной немецкой дивизии, за что получал вознаграждение 68 немецких марок (670 руб.) в месяц, где и служил до 9 мая 1945 г., то есть до дня капитуляции фашистской Германии. Во время нахождения в немецкой армии Н. в начале 1945 г. за хорошую службу от немецкого командования получил награду – бронзовую медаль 2-й степени – и принял присягу на верность несения службы фашистской Германии.

Признав Н. виновным в совершении преступления, но «не усматривая по обстоятельствам дела необходимости применения к подсудимому высшей меры уголовного наказания (расстрела)», постоянная сессия Военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» приговорила Н. к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет с последующим поражением в

правах на пять лет без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного. Начало срока отбытия меры уголовного наказания с учетом предварительного заключения было предписано исчислять с 28 августа 1945 г. Приговор объявлялся окончательным и кассационному обжалованию не подлежал (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 52–53 об.).

Заключение

Изучение материалов рассмотренного архивно-следственного дела наглядно демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих в начальный период Великой Отечественной войны. Летом–осенью 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками были оккупированы северо-западные регионы СССР, включая территорию современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Как и на других участках советско-германского фронта, здесь в первые месяцы войны в «котлах» оказалось большое количество советских солдат. Находясь во вражеском окружении, многие из них стремились любой ценой избежать фашистской неволи, однако далеко не всем удавалось пробиться к своим.

В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен чрезвычайно жестокий режим, обрекавший их на смерть от голода и бесчеловечного обращения. В этих условиях находились те, кто предпочитал перейти на сторону врага, надеясь сохранить свою жизнь. Как правило, такие лица старались вы-

служиться перед немецкой лагерной администрацией, чтобы получить привилегированную должность в лагерной обслуге и регулярное питание. В некоторых случаях, как свидетельствует рассмотренное архивно-следственное дело, путь от добавочного черпака лагерной баланды к присяге на верность Гитлеру был довольно скоротечным, а цена предательства оказывалась непомерно высока. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики, орудием убийств и истязаний своих соотечественников.

После капитуляции Германии большинство коллаборационистов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью предательскую деятельность удалось подтвердить, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 62–73.
2. Латышев А. В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6. С. 72–77.
3. Латышев А. В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 48–52.
4. Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной армии, вернувшихся из плена и окружения. 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 20 с.
5. Христофоров В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. 430 с.
6. Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
7. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) : моногр. Вологда, 2016. 527 с.
8. Кузьминых А. Л. Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2021. № 1 (1). С. 22–32.
9. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Специальные лагеря НКВД СССР на территории Вологодской области (1942–1943 гг.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. М., 2008. С. 69–78.
10. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.
11. Падерин А. А. Под пятой оккупантов // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 115–130.
12. Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 232–263.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. 607 с.
14. Шнеер А. И. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. 619 с.
15. Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / [пер. с нем. И. Дьяконова]. М., 2009. 479 с.
16. Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–25 октября 1997 г.) : в 2 ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 3–13.
17. Князьков А. С. Народная борьба с захватчиками // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 130–153.

18. Раманичев Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 153–167.
19. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 862 с.
20. Петрозаводский ПФЛ № 0313 // Интерактивная карта советских лагерей : сайт. URL: <https://gulagmap.ru/camp634> (дата обращения: 25.08.2023).
21. Козинцев А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века : моногр. Куртамыш, 2008. 590 с.
22. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.
23. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 148–198.

REFERENCES

1. Bichekhvost A.F. On the history of the creation and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminara* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar]. Vologda, 2007. Pp. 62–73. (In Russ.).
2. Latyshev A.V. Checkup-filtration NKVD camps: staff, departmental interests and checkup of Red Army servicemen (1941–1945). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series "History"*, 2015, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.).
3. Latyshev A.V. The network of screening and filtration camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945. *Klio*, 2014, no. 9, pp. 48–52. (In Russ.).
4. Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi armii, vernuvshikh sya iz plena i okruzheniya. 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system of verification of Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement. 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 20 p.
5. Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011. 430 p.
6. Shevchenko V.V. *Deyatel'nost' lagerei spetsial'nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 godakh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of special purpose camps of the NKVD of the USSR in 1941–1946: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Volgograd, 2010. 22 p.
7. Kuz'minykh A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody): monogr.* Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph]. Vologda, 2016. 527 p.
8. Kuz'minykh A.L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32. (In Russ.).
9. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps of the NKVD of the USSR on the territory of the Vologda region (1942–1943). In: *Istoriya otechestvennoi ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: sb. nauch. st.* [History of the Russian penal system: collection of scientific articles]. Moscow, 2008. Pp. 69–78. (In Russ.).
10. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who were in captivity and surrounded by the enemy. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).
11. Paderin A. A. Under five occupiers. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Dembitskii N.P. The fate of prisoners. In: Sevost'yanov G.N. (Ed.). *Voina i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. Kn. 2* [War and society, 1941–1945: in 2 books. Book 2]. Moscow, 2004. Pp. 232–263. (In Russ.).
13. Krivosheev G.F. et al. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: stat. issled.* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. History of the armed forces: statistical research]. Moscow, 2001. 607 p.
14. Shneer A.I. *Plen: sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany]. Moscow, 2005. 619 p.
15. Streit C. *Oni nam ne tovarishchi. Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [No Comrades: The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945]. Transl. from German by D'yakonova I. Moscow, 2009. 479 p.
16. Khavkin B.L. German prisoners of war in the USSR and Soviet prisoners of war in Germany. The problem of staging. Sources and literature. In: *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.): v 2 ch. Ch. 2* [Problems of military captivity: history and modernity: proceedings of the international scientific and practical conference. (Vologda, October 23–25, 1997): in 2 parts. Part 2]. Vologda, 1997. Pp. 3–13. (In Russ.).
17. Knyaz'kov A.S. People's struggle against invaders. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 130–153. (In Russ.).
18. Ramanichev N.M. Cooperation with the enemy. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 153–167. (In Russ.).
19. Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
20. Petrozavodsk screening and filtration camp No. 0313. *Interaktivnaya karta sovetskikh lagerei: sait* [Interactive map of Soviet camps: website]. Available at: <https://gulagmap.ru/camp634> (accessed August 25, 2023).

21. Kodintsev A.Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka: monogr.* [State policy in the field of justice in the USSR. 1930-1950s: monograph]. Kurtamysh, 2008. 590 p.
22. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
23. Zhuravlev S.V. Judicial-investigative and prison-camp documentation. In: Sokolov A.K. (Ed.). *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow, 2004. Pp. 148–198. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Статья поступила 31.08.2023